

Анализ ситуаций в геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира как актуальная задача: общий ракурс рассмотрения

В.Н. Рябцев

*Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону*

Аннотация: Данная работа открывает цикл статей, посвященный тому, как анализировать процессы, происходящие в слабо структурированных и геополитически нестабильных зонах (регионах) современного мира. Рассматривая анализ конкретных ситуаций как особую научную процедуру, автор подробно останавливается на том инструментарии, который должен использовать исследователь соответствующего профиля. При этом обосновывается тезис о недопустимости противопоставления точных и неточных методов при изучении геополитических процессов в нестабильной, турбулентной среде. Особое внимание в статье уделяется раскрытию возможностей различных форм моделирования, которые все активнее используются в региональной геополитологии. Анализ конкретных ситуаций трактуется автором как сложная, многоуровневая работа, в процедурном отношении состоящая из двух основных фаз.

Ключевые слова: системный анализ, ситуационный анализ, геополитически нестабильные зоны и регионы, анализ конкретных ситуаций (АКС), научный инструментарий АКС, историко-описательные методы в АКС, географическое и геополитическое картирование, методы формализации и квантификации в АКС (концептуально-графическое моделирование, когнитивное моделирование, математическое моделирование), АКС как особая научная процедура.

Сегодня в мире складывается сложная и одновременно тревожная ситуация: с одной стороны, число и острота кризисов (малых и больших) и конфликтов (чисто политических и вооруженных) явно возрастает; с другой – налицо то, что мировое сообщество не может эффективно противостоять им, не может снять хотя бы остроту противоречий между потребностью в международной стабильности и нарастающей фрагментацией, дроблением мирового геополитического пространства. Наиболее сложными и трудно разрешимыми оказываются кризисы и конфликты регионального масштаба. Тенденция, которую еще в самом начале постбиополярной эры фиксировали прозорливые исследователи, в наши дни, увы, стала доминирующей. Так, еще в начале 1990-х гг. известный политолог-международник А.Д. Богатуров

писал: «Региональные вызовы умножились и приобрели непривычные формы, а институты сдерживания остались старыми, все менее соответствующими реальности. Их эффективность оспорена практически везде – от Балкан до среднеазиатских районов бывшего СССР. Имеющиеся механизмы контроля, как и раньше, рассчитаны на предупреждение глобальных угроз. Для ограниченных конфликтов, составляющих главное зло международной системы, они слишком громоздки и не разворотливы. Политическая и техническая процедура их запуска не отработана» [1].

С тех пор мало что изменилось. Более того, международная среда становится все более и более турбулентной, если угодно, «рискогенной», а факторы геостратегической нестабильности в Мире явно нарастают. Для многих исследователей, экспертов и политиков становится понятным, что разразившийся в 2008 г. глобальный финансово-экономический кризис, принесший вслед за собой серьезные геополитические последствия, лишь внешне выглядит таковым. На самом же деле он носит все признаки глубокого *структурного кризиса* Мир-Системы, а то и больше – начинающегося Глобального Беспорядка. Впрочем, наиболее проницательные из специалистов понимали, куда все движется, еще в первой фазе Мирового Кризиса. Сошлемся в данном случае на мнение такого глубокого ученого и серьезного футуролога, как А.И. Неклесса. Говоря об исторических сдвигах и тектонических, непривычных для ума многих, трансформациях современного мира, он очень верно заметил, что складывающаяся в мире ситуация «лишний раз указывает на дефектность привычной картографии, неполноту категориального аппарата и тривиальность ординарных («школярских») схем политологии» [2].

Учитывая тот факт, что, помимо глубокой перестройки Мировой Системы на глобальном уровне, серьезнейшие трансформации происходят также между «глобальным» и «национальным», новые весьма ответственные

задачи встают перед такой отраслью геополитической науки, как *региональная геополитология*, в центре внимания которой находится такой сегмент мирового пространства, как регион – «сложный комплекс политических устремлений различных государств, привязанных к конкретным географическим структурам» [3]. Разные по таксономии (макрорегионы, собственно регионы, субрегионы) и типологии (хорошо структурированные и стабильные, со своим плотным «ядром» или слабоструктурированные и нестабильные, с доминацией конфликтности в межгосударственных отношениях, а также «промежуточные» образования в виде лимитрофных зон), они всегда были в поле зрения геополитологов «региональщиков». Таковыми они продолжают оставаться и сегодня. Правда, сегодня исследователям приходится делать акцент на нестабильные геополитические регионы и «разъединительные пояса» в лимитрофных зонах, которые специалисты по геополитике нередко называют «мягкими кластерами» (МК).

Но не только эти образования оказываются в фокусе внимания специалистов по региональной геополитологии. В ряде случаев в круг их интересов попадают и внутривострановые регионы – те зоны и районы *внутри* отдельных государств, в которых сильны сепаратистские настроения и/или весьма активны сепаратистские движения. И те, и другие, как правило, становятся важными геополитическими факторами, поскольку складывающиеся на таких «площадках» ситуации связаны либо с широким участием в них внешних игроков, либо вызывают значимый эффект для международных отношений, сложившихся вокруг данного государства. Учитывая тот факт, что в современном мире нарастает тенденция к децентрализации и дроблению *Nation-States* (к примеру с 1950 г. в мире появилось 109 новых международно-признанных государств) и что мы вообще сталкиваемся с необъяснимой пока геополитико-демографической

тенденцией, доставшейся нам в наследство от XX в., а именно: ростом числа государств в 4 раза при сокращении тоже в 4 раза их средней площади [4], ясно, что здесь у специалистов по региональной геополитологии появляется новый и весьма сложный предмет для анализа.

В любом случае и региональные «площадки» как таковые (МК), и конфликтные ситуации внутри отдельных государств (из тех, что отличаются неустоявшимися институтами и неустойчивым вектором развития), плюс к этому проблемы с разделенными этносами и нациями, становящимися неисчерпаемым ресурсом геополитического проектирования со стороны великих держав [5] – все эти феномены подпадают под одну характеристику: *«геополитически нестабильные зоны или регионы» (ГНЗР)*». Управлять проблемными ситуациями и конфликтами в них, «работать» с ними (как в плане предотвращения, так и разрешения) чрезвычайно сложно. И понять здесь озабоченность ООН и ряда крупных региональных организаций тем, что они не способны должным образом противостоять «раку хаотизации» на региональном уровне, можно. Но международным чиновникам следует объяснить и другое: *прежде чем эффективно воздействовать* на происходящие в мире процессы, каким-то образом противостоять нарастающей волне турбулентности и нестабильности, которые все сильнее выплескиваются как раз на региональный уровень, *надо правильно понимать происходящее*. Если говорить конкретно о нашем случае, то можно сказать так: в современных условиях все более и более актуальным становится вопрос о том, как же все-таки следует *анализировать конкретные ситуации* (АКС) в слабоструктурированных геополитических регионах, в зонах и на территориях, отличающихся «повышенным индексом беспорядка», а порой и экстраординарной конфликтностью.

Заметим: АКС мы рассматриваем как особого рода *научную процедуру*, как применение имеющихся у исследователя в наличии теоретически

разработанных положений к исследованию конкретных случаев по заранее определенной схеме. От обычного ситуационного анализа (СА) он отличается двумя основными особенностями: а) АКС – не анализ отдельно взятых событий или даже событийных рядов, а всестороннее рассмотрение топографии, «архитектуры» и динамики целых «площадок» (в качестве таковых, как уже сказали, могут выступать макрорегионы, собственно регионы и субрегионы; появляющиеся в силу ряда причин «узлы межгосударственных противоречий»; сложные внутригосударственные конфликты с широким участием внешних игроков; и т.д.); б) во временном отношении АКС не столь ограничен, как СА, хотя и не беспределен. Как правило, здесь геополитолог- «региональщик» имеет дело с ситуациями, длящимися несколькими месяцами, может быть, года или даже несколькими годами.

Иначе говоря, АКС не тождественен СА, который является частным случаем АКС и представляет собой вид публично осуществляемой экспертизы [6], т.е. работы в режиме краткосрочного коллективного «мыследействия». Этим СА очень напоминает «мгновенный анализ» – максимально быстрое, обычно в течение 24 часов экспертное реагирование на важнейшие события международной жизни, которые попадают в поле зрения лиц, принимающих важные политические решения [7].

Заметим, что внедрением СА в практику исследований международных отношений мы обязаны академику Е.М. Примакову, Еще в далеком 1970 г. он начал их применять в ИМЭМО АН СССР. С того времени СА прочно утвердился как эффективный метод изучения новейших тенденций в мировой политике. Наиболее плодотворным он оказался в работе по краткосрочному прогнозированию развития острых международно-политических ситуаций.

В течение 1971-1972 гг. была проведена уже серия ситуационных анализов, посвященных ближневосточной и европейской проблематике. Впоследствии, апробированная в ИМЭМО методика была заимствована и другими НИИ международного профиля, а также практическими организациями (МИД, внешняя разведка и др.). Как естественное продолжение работы в режиме СА вставал вопрос о методике международно-политического *прогнозировании*. Этой работой занялась группа под руководством самого Е.М. Примакова. В нее вошли тогда историк-международник В.И. Гантман и математик В.И. Любченко.

Позднее оба они станут соавторами Е.М. Примакова в разработке уникальной методики СА. Их совместная работа в данной области была окончательно завершена в апреле 1974 г. Этой «троицей» был подготовлен 50-страничный документ, включавший пять приложений [8]. Авторами в нем, в частности, отмечалось: «Предлагаемый метод дает определенную возможность свести в единый исследовательский процесс структурный, исторический (генетический) и причинно-следственный анализ международно-политической ситуации, выявляя ее ретроспективные, актуальные и прогностические аспекты. Одновременно этот метод предоставляет возможность организовать и направлять процесс активного сбора, оценки и переработки имеющейся первичной информации и воспроизводства большого объема новой, вторичной (аналитической и прогностической) информации о рассматриваемой международно-политической ситуации». При этом подчеркивалось, что объектом исследования и краткосрочного прогнозирования при проведении СА могла быть «практически любая политическая ситуация проблемного характера» [9].

После большого перерыва Е.М. Примаков вернулся к вопросам методологии и методики проведения СА и вывел свою работу, по сути, на

эталонный уровень. Здесь мы можем выделить те анализы, которые были проведены под его руководством в МГИМО (У) МИД РФ в период с 2002 по 2004 г. [10 - 13], концептуальное обоснование и описание которых он дал два года спустя [14, 15]. Но лишь спустя семь лет после этого, проведя большую дополнительную работу по уточнению концептуальной базы СА и созданию организационных возможностей для развертывания такого рода работы (причем уже под эгидой Академии наук), Е.М. Примаков вывел свое «детище» на новый уровень – создал в апреле 2011 г. в рамках руководимого им Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН Центр ситуационного анализа (ЦСА РАН).

Вернемся, однако, к главному предмету нашего разговора – к АКС и поставим такой вопрос: какими же интеллектуально-научными средствами (инструментами работы) вообще располагает геополитолог-«региональщик»; что и как ему может, в частности, помочь в анализе многофакторной динамики ГНЗР современного мира?

Если говорить об *исходных (и простейших) средствах* такого рода работы, то их, в принципе, не так много, а именно: письменный текст, хорошо известные структурно-логические схемы, зачастую становящиеся неплохим подспорьем в работе исследователя. В дело идут также рисунки, графики и таблицы. Главным же инструментом проникновения в суть геополитических процессов здесь являются опыт исследователя и его интуиция, степень ее глубины. Одновременно с этим упор делается на обычный, повествовательный геополитический дискурс. В дело идут и количественные данные, т.е. те или иные числовые параметры и числовые соотношения. Почему бы, скажем, не прибегнуть к многомерной статистике, анализируя потенциал геополитических игроков на интересующей нас

«площадке» или, если говорить шире, – их совокупную мощь в мировых делах [16]?

Важнейшую роль при проведении АКС играет карта или, точнее говоря, снабженная текстом карта (карта с пояснениями). Исторически именно работа в картой была едва ли не основным компонентом арсенала представителей традиционной (классической) геополитологии. В то же время это был и тот «потолок», выше которого они не поднимались. В лучшем случае могли прибегать к «услугам» картоидов (к подобиям карт, или картам неких идеальных пространств) [17]. И понятно почему: манипулируя образом *привычной* карты, традиционная (классическая) геополитология была буквально «прижата» к географически зафиксированной территории и на этой основе путем дедукции обосновывала большинство своих понятий и постулатов. В этом кстати, по мнению Д.Н. Замятина, состоял еще один недостаток работы ученых- «классиков» – «практическое отсутствие концептуальной (когнитивной) дистанции между ключевыми географическими понятиями-образами и соответствующими им геополитическими построениями» [18].

Этот автор вообще очень точно резюмирует познавательную ситуацию, которая сложилась во времена «классиков». Он пишет: «Классическая геополитика, в трудах Мэхэна, Маккиндера, Челлена, Хаусхофера, использует языковые стратегии, связанные с артикулированием и интерпретацией элементов географической карты. Последняя выступает как язык геополитики, и любая геополитическая концепция складывается из карты как фундамента и письменного текста, как бы накладывающегося на картографические изображения и составляющего специфическую оболочку карты. Геополитические образы формируются в данном случае в смысловом поле, созданном взаимодействием картографических изображений и их текстовых интерпретаций» [18].

Но, как говорится, все течет. И если мы сегодня говорим о необходимости восхождения геополитической науки на новый уровень развития (а это, хотя и трудом, все же происходит), то инструментарий, арсенал исследователя должен меняться, как равно должны меняться и методы/методики его работы. И они не могут не меняться, тем более в свете происходящих сегодня в мире кардинальных геополитических, геодивизиционных и иных сдвигов. В этом плане встает вопрос о более эффективных методах работы, предполагающих, в частности, необходимость отрыва от процедур, делающих упор на оперировании географическими картами и/или их дериватами. Хотя и такая работа сама по себе важна, а продукты ее не прочь востребовать практики, занимающиеся вопросами реальной геополитики и геостратегии государства, а также его политикой в области безопасности.

В работе ученых начинает главенствовать манипулирование геополитическими концептами, напрямую «не завязанными на интерпретацию географической карты» (по выражению Д.Н. Замятина), или, как говорит этот же автор в другом месте своей монографии, начинается работа с «виртуальными геополитическими ансамблями (образами), рассматриваемыми как поля действия определенных политических сил. В контексте подобных геополитических ансамблей может продолжаться виртуальное бытие классических геополитических паттернов («хартленд», «римленд» и т.п.), а также происходить их политическая актуализация (например, возрождение образа «Евро-Африки»). При этом происходят явные изменения в их содержании и расширении спектра возможных значений. Глобальные классические геополитические образы – такие, как «номос Суши» и «номос Океана» К. Шмитта – также виртуализуются и подвергаются семиотической «возгонке» [18].

Что все это значит в нашем случае? Полагаем, что при сохранении таких базовых компонентов, как карта и текст, происходит дальнейшее насыщение арсенала геополитологического исследования, которое выглядит как «надстраивание» над обычной географией ряда этажей. Но это лишь на первый взгляд. На самом деле налицо погружение в объект исследования, в процессе которого возрастает степень сложности обсуждаемых вопросов и значимость получаемых в результате такой интеллектуальной работы результатов. Но в целом в рамках такого рода работы доминирует подход, который условно говоря можно назвать *описательным* (или историко-описательным). Он связан с проведением преимущественно качественного анализа геополитических ситуаций на уровне мировых регионов/субрегионов или «разъединительных поясов» в лимитрофных зонах.

Иначе говоря, преобладает работа, *объясняющая* сложившуюся ситуацию, плюс к этому прорабатываются самые *общие* варианты ее исхода. Делается это, как правило, на принятом в кругу специалистов научном языке, т.е. максимально широко используется обычный текст. Если исследовательская работа стоит в режиме коллективного творчества, то, как правило, на этом уровне она осуществляется в режиме «мозговой атаки» или строится в соответствии с «дельфийской моделью», что предполагает тщательный отбор экспертов (особенно это требуется для работы по методу Дельф) и выделение в качестве организующего звена в ходе их общения такой фигуры, как модератор. Одновременно с этим (понятное дело) увеличивается организационная сложность такого рода «предприятия», а вместе с ней возрастает значимость технического обеспечения работы и, следовательно, объем финансовых затрат на нее, расширяется круг привлекаемых к работе специалистов. По сути дела, речь идет об организации исследовательской работы по методике форсайта (особенно комплексного форсайта) – популярной ныне в научном и экспертном

сообществе Запада, но в последнее время привлекающей внимание и российских специалистов [19].

Более сложной и более эффективной является арсенал средств, связанных с *формализацией*. Это отнюдь не означает, что качественный анализ вообще исчезает из поля зрения исследователей. Вовсе нет. Просто возрастает степень точности прodelываемого анализа. Как справедливо заметил по тому поводу Ю.В. Тихонравов: «Применение количественных методов далеко не всегда повышает значимость результатов, напротив, «качественный» в духе французской школы может быть гораздо богаче идеями, чем итоги громоздких расчетов». Говоря о значимости «качественной» методологии и отмечая новые возможности, которые открываются для исследователей при использовании так называемой игры проекциями, этот же автор подчеркивает и такой важный момент: «В последнее время, с появлением многочисленных программ построения анаморфированных изображений, возникло особое направление – геополитическое картирование, цель которого – найти адекватные пути отражения на карте мирового геополитического пространства» [20].

Мы солидарны с Ю.В. Тихонравовым в том, что касается важности использования в геополитологическом исследовании, прежде всего, «качественной» методологии, в том числе при изучении соответствующих геополитических явлений и процессов на региональном уровне. Мы могли бы сказать даже так: методика моделирования представляет собой концентрированное выражение всех тех преимуществ, которые имеет так называемый качественный анализ. Однако приходится констатировать, что на сегодняшний день в отечественной литературе отсутствуют прецеденты ее целенаправленного применения. По крайней мере, в каком-либо целостном и развернутом виде мы до сих пор их не встречали. Если и можно говорить о каких-либо «заделах» в этой области, то все они носят, по преимуществу,

постановочный характер, не выходят за рамки общих рассуждений о важности такого рода методологии, в лучшем случае, демонстрируют фрагменты такого рода моделирования. Исключение составляют, пожалуй, два интересных геополитических опыта. Один принадлежит Л.Г. Казаряну (1994 г., совместно с С.В. Лурье) [21], который попытался произвести геополитическое моделирование при изучении так называемого Восточного вопроса, второй – Д.Н. Замятину (1998 г.), который попытался разработать модель геополитической ситуации, взяв в качестве эмпирической базы своего исследования проблематику Центральной Азии во второй половине XIX в., в эпоху ее освоения/покорения царской Россией [22]. Однако эти попытки носили характер исторической реконструкции, а не анализа современных ситуаций (чем, собственно, и должна заниматься «наука о геополитическом»).

С нашей точки зрения, при таком подходе к работе у геополитолога-«региональщика» главным становится использование *точных методов* познания, предполагающих составление карт-схем, диаграмм, таблиц, выстраивание определенной «архитектуры» («кристаллических решеток») конкретных сегментов геополитического пространства. Последние при этом как бы пронизываются соответствующими осями взаимодействия конкретных акторов, обнаруживают точки сгущения такого рода взаимодействий, но самое главное, это позволяет понять международную систему или какую-либо из ее подсистем как многоярусную (когда взаимодействия организованы по принципу «пирамиды») и многосферную (когда они рассматриваются как система концентрических окружностей с неким «ядром» по середине). Если в этом случае и можно говорить о картировании, то, разумеется, о весьма условном. Ведь здесь исследователь практически *перестает работать с территорией как таковой*, его интерес *смещается в сторону изучения* конфигурации того или иного сегмента

мирового *геополитического пространства* и его (пространства) смысловой наполненности.

В этом, кстати сказать, еще одно указание на исчерпанность работы в режиме строй (классической) геополитологии. Хотя, полагаем, это тоже картирование, но специфическое – с использованием другого языка – не письменного текста (в качестве комментария к традиционной географической карте), а языка структурно-логических схем. Иначе говоря, на этом уровне должен быть совершен переход от всего описательного, т.е. собственно географического, к работе с пространством в его абстрактно-геометрической чистоте (если угодно, к условным картам). Это ситуация, когда, например: территория государства, рассматриваемая без внутренних географических различий, превращается в точку разного размера (сообразно весу конкретного геополитического актора на международной арене и его положению в мировой таксономии); границы между государствами превращаются в связующие эти точки линии; когда отношение одного государства к другому, являющееся направленным контактом, превращается в вектор различной толщины (плотным или тонким геополитическим «лучом»), и разной наполненности (многоканальным или моноканальным воздействием); и т.д. Если к этому добавить те возможности, которые сегодня дают компьютерные технологии – и в плане использования цветовой гаммы, и собственно графики, и выстраивания самых разных конфигураций «проигрываемых» геополитических ситуаций, – то можно сказать, что находящийся в распоряжении геополитолога инструментарий чрезвычайно широк. Как мы видим, важнейшим элементом его работы становится *язык*, отличный от того, каким обычно пользуются ученые, работающие в рамках историко-описательного подхода.

В свете получившей широкое развитие на Западе когнитологии – междисциплинарной области знания, зародившейся еще в 1960 г. (пионером

здесь был Гарвардский университет) и непосредственно ориентированной на процесс принятия решений и прогнозирование сложных ситуаций, – это означает перевод исследовательской работы в полностью формализованный план. Со времени выхода в свет работ Р. Аксельрода (1976) это стало называться когнитивным моделированием. Развитие же его идей в конце 1980-х гг. в виде нечетких когнитивных карт, изобретенных Б. Коско (последние удалось ему делать путем слияния так называемой нечеткой логики и метода системной динамики), позволило сделать еще один шаг вперед – создало базу для современных систем динамического моделирования в области финансов, политики и бизнеса. Имеется в виду метод, позволяющий исследовать эволюцию той или иной ситуации, включающей в себя такие составляющие, как саморазвитие, расчет внешних воздействий на объект с градацией таковых, моделирование целенаправленного развития ситуации (трансформации ее в нужное русло) т.д. [23]. Основным же инструментом становятся когнитивные и (как частный момент) ментальные карты, являющиеся ничем иным, как способом представления и связывания мыслей, «образом» окружающей обстановки и своего места в ней, который имеется в голове «Политика» (а до этого, естественно, и «Аналитика») [24]. Другой вопрос, что «образ» этот специфический – он соткан из схем и рисунков.

Работа с такого рода «образами» известна. Как указывается в литературе: «Идея использования схем и рисунков для лучшего изложения знаний не нова, но только сравнительно недавно ее стали изучать и развивать как особый способ мышления. На Западе это течение получило название «*concept mapping*». <...> Зарождение и базовые правила *Concept Maps* разработал в 60-е гг. XX в. Профессор Джозеф Новак из Корнуэллского университета (США), который, в свою очередь, исходил из теории Дэвида Озубэла, показавшего важность предшествующего опыта для формирования

новых концепций. А современную реализацию связывают с методиками известного английского психолога Т. Бузана, признанного лидера в этой области (последний автор считается создателем картографии как инструмента размышления и разработчиком «интеллект-карт» – удобной техники для представления процесса мышления или структурирования информации в визуальной форме. – В.Р.)» [25, 26].

Надо сказать, что специалисты в области геополитики и, если говорить шире, политологи-международники проявили интерес к этой научной методике практически сразу же, как только она родилась (насколько нам известно, уже в конце 1970-х гг.). На этом «языке» весьма основательно «заговорил» крупный американский исследователь А.К. Хенриксон. Этот автор много и плодотворно занимался разработкой концепции «геополитических ментальных карт» как своеобразных карт восприятия лицами, принимающими решения (ЛПР) во внешней политике и политике в области безопасности, что позволяло бы им охватывать мир и/или ключевые мировые регионы, а также вникать в смысл разного рода событий, правильно выстраивать событийные ряды и т.д. Для изучения «ментальных карт» ЛПР им предлагалось два пути: а) так называемый идеологический подход (он берет за основу содержание дипломатических речей, официальных обращений и меморандумов, тексты договоров и соглашений, переписку первых лиц, картографические приложения к этим материалам и иную документацию) и б) «психологический» (здесь уже на первый план выходит анализ передвижений ЛПР по политической «ойкумене», география его текущей деятельности, изучение того «поля», по которому он передвигается). В развитие темы американский автор предлагал различать два типа «ментальных карт» в геополитике: а) того, что он назвал «планами восприятия» (*image plans*) – чего-то подобного «визуально-логическим концепциям», или концептуально-графическим схемам и б) «поведенческо-

пространственных карт» (*behavior-space maps*), для которых исходным является признание наличия в головах ЛПР «психогеографических полей», в которых они осуществляют свою практическую деятельность. Что еще принципиально, по А.К. Хенриксону: первые из этих «карт» важны для выработки и последующего планирования внешнеполитических шагов на мировой арене, а вторые – при проведении внешней политики в конкретных ситуациях места и времени [27]. С того далекого времени, конечно, западные специалисты немало продвинулись в направлении когнитивного/ментального моделирования геополитических явлений и процессов. Об этом можно судить, например, по материалам Третьей (глобальной) международной конференции «Мировой Кризис: революция или эволюция в международном сообществе?», прошедшей в Порту (Португалия) в августе 2011 г.

Отвлекаясь от воззрений А.К. Хенриксона (не ему конкретно посвящена наша статья), уточним один терминологический момент. Не оспаривая уместности терминов «когнитивный», «когнитивное моделирование» и т.д., и вполне терпимо относясь к популярной ныне области научного знания – когнитологии (с нашей точки зрения, здесь без моды тоже не обошлось!), терминологически можно также говорить о *концептуально-графическом моделировании*. Хотя и в том, и в другом случае речь, по сути, идет об одном и том же – о возможности использования условных обобщенных моделей. При таком подходе межгосударственные и иные, связанные с ними, отношения сводятся к отношениям немасштабных «точек» в функциональном пространстве, без учета реального географического положения акторов, ими обозначаемых. Как пишет по этому поводу А.Б. Елацков, «геопространственные данные агрегируются до точечных. Реальные географические объекты условно помещаются в негеографическое функциональное пространство». И потому, продолжает этот автор, всю совокупность анализируемых акторов можно представить либо в виде кругов

Эйлера, где акторы изображаются точками множеств, либо в виде графов и картоидов, где акторы изображаются вершинами, а отношения между ними – в виде дуг или ребер [28].

Об этом, кстати, в свое время говорил выдающийся российский ученый-гуманитарий Б.Ф. Поршнев, только называл он данные вещи по другому – именовал топографическими графами в социологии международных отношений [29]. Поэтому, мы не ошибемся, если будем считать когнитивную карту *знаково* ориентированным графом.

При таком подходе любую геополитическую ситуацию можно изобразить в виде нечеткого графа (все-таки геополитология – это не физика или математика, не такая точная наука, поскольку имеет дело с объектами повышенной сложности, с большим количеством и разнообразием «переменных», ряд из которых прочно на субъективный фактор); подчеркнем: графа с обратной связью, состоящего из узлов и взвешенных взаимосвязей (линий или дуг соединения этих узлов). Как отмечают знающие дело специалисты: «Узлы графа представляют собой понятия (концепты), которые используются для описания *главных поведенческих характеристик* (выделено нами. – В.Р.) системы. Узлы связаны между собой взвешенными дугами представляющими причинные отношения, которые существуют между понятиями (концептами). Таким образом, можно графически представить отношения между понятиями, их взаимосвязи и степень такого влияния. Граф позволяет легко добавлять либо удалять или понятия (концепты), или взаимосвязи» [30]. В нашем случае это означает, что структура графа (повторяем: пусть и недостаточно четкого) позволяет нам систематизировать представление об изучаемом геополитическом явлении или процессе на региональном уровне, и прежде всего систематизировать наше представление о причинных связях образующих систему акторов, и уже

на этой основе отслеживать развитие того или иного геополитического региона/субрегиона, его кратко- или долгосрочные тенденции.

И еще об одной группе средств работы с АКС в геополитических регионах современного мира. В данном случае все они (в той или иной степени) связаны с *квантификацией*.

У исследователей здесь происходит новая смена познавательных ориентиров, когда главной становится максима «Наука есть знание об «измеримом»!». В последнем случае мы, собственно говоря, и выводим геополитологию на уровень настоящей науки. Это предполагает использование всего положительного, что накоплено к настоящему времени. И не только в плане формализации, но и квантификации геополитических явлений и процессов. Ведь известно, что в геополитологии уже давно используются методы многомерной статистики помогающие исследователям при проведении межстрановых сопоставлений, в различного рода попытках районирования мира, в анализе разнообразных и сопоставимых показателей мощи государств и т.д. Еще она сравнительно новая область приложения количественных методов – поиск соотношений между потоками в пространстве (первым делом и прежде всего, потоками внешней торговли) и политической связностью региональных группировок стран, внешнеполитическими и стратегическими проблемами. Хотя, как мы полагаем, в данной области знания эти методологические «новации» имеют все же ограниченные возможности для применения. Одним словом, речь идет о работе с геополитическими моделями, выраженными символически и в цифровой форме, т.е. о варианте *математического моделирования*.

Конечно, не стоит забывать другую максиму, сформулированную некогда Л.Н. Гумилевым: «Слишком большое стремление к точности не полезно, а часто бывает помехой в процессе исследования. Ведь рассматривать Гималаи в микроскоп бессмысленно» [31]. Классик науки был

абсолютно прав: иллюзия точности может прямо и непосредственно привести к ошибочным выводам. Это тем более верно, если мы имеем дело с геополитологией (включая ее региональную часть), в которой существуют свои ограничители в применении точных методов. Все-таки это не математика, не физика и даже не биология, а дисциплина, «прописанная» по ведомству социально-гуманитарных дисциплин. Да, собственно говоря, и сам термин «*точные науки*» далеко не точен. Ведь, выводы практически всех наук в большей или меньшей мере гипотетичны. Как писал в свое время наш выдающийся ученый-гуманитарий Д.С. Лихачев: «Многие науки кажутся точными только со стороны. Это касается и математики, которая на своих высших уровнях тоже не так уж точна» [32].

Феномены, изучаемые в региональной геополитологии, весьма специфичны – сложны и комплексны, и это заставляет специалистов разрабатывать и использовать все более усовершенствованные научные методы и методики. При этом они нередко сталкиваются с реальными трудностями в плане представления тех или иных факторов в числовой форме. Некоторые из них по определению не поддаются такого рода «оцифровке». Как отмечают отечественные географы В.А. Колосов и Н.С. Мироненко: «выяснилось, что в отсутствие убедительной теории самые изощренные расчеты не позволяют объяснить сложные политические процессы» [33]. Скажем: как можно отразить математически проблематику, охватываемую тем, что определяется в качестве *второго ракурса геополитологии* (особенно в рамках того блока проблем, которые В.Л. Цымбурский, в отличие от геостратегии, называл геополитической имагинацией)? Ведь здесь, как мы знаем, рассматриваются такие тончайшие материи, как трансформации «образов мира/страны», «ценностей» и «ресурсов» в «интересы» и «возможности государства», а из сочетания последних рождаются конкретные политические «цели»; анализируются то,

как по запросу со стороны блока уже намеченных «целей» из блока «возможности государства» и еще более раннего блока – «поведенческих схем» – создаются «сценарии действий» на конкретных площадках мирового геопространства [34]. И в самом деле: как?

Главное, стало быть, в том, чтобы делаемые исследователем выводы обладали доказательной силой и при этом он опирался на четкий и ясный понятийно-терминологический аппарат. И вообще: количественные методы исследования не должны применяться в отрыве от качественных методов или, тем более, им противопоставляться. В дело должно идти *все*, что способствует глубокому и всестороннему анализу сложных геополитических ситуаций (особенно в нестабильной среде) – не важно, связано ли это с простым описанием происходящего, формализацией изучаемых процессов или их квантификацией... В конце концов, важны моменты, касающиеся содержания, сути дела.

Как писал в свое время Ф.А. Шродт: «Всегда важно помнить, что математика эффективна только как средство получения логических выводов из исходных допущений, а отсюда и валидность модели зависит не от математического аппарата, а от самих этих допущений. Бывают случаи, когда для успешного применения той или иной мощной методики необходимо упростить исходные опущения, но даже подобное упрощение должно проходить проверку практикой и здравым смыслом» [35]. Иначе говоря, важно учитывать, кто и как этим занимается, т.е. важен потенциал самого исследователя, наличие у него необходимой для работы проверенной и точной информации. Как указывает Э.Н. Ожиганов: «Оценка значений показателей или факторов. Выбранных для характеристики элементов, входящих в систему, является делом экспертов, суждения которых могут быть формализованы с помощью и в пределах определенных шкал». Поэтому, полагает он, «приемы формализации и математический аппарат,

сколь сложными они ни были, не помогут аналитику, если он не обладает соответствующей подготовкой в предметных областях науки и не ощущает своей принадлежности к определенной научной традиции» [36].

Это, с одной стороны. С другой – нельзя не признать, что в области социально-гуманитарных наук давно существует потребность в использовании математических методов и процедур в чистом виде или, по крайней мере, в каком-то упорядочении этих дисциплин, придании им точности. Это обстоятельство прекрасно понимали серьезные специалисты еще в СССР. Возвращаясь к сюжету, о котором говорили выше, напомним, что в работе над методикой СА, чем, начиная с 1970-х гг. В ИМЭМО АН СССР занималась группа Е.М. Примакова, немалую роль сыграли наработки сектора теории и прогнозирования международных отношений, которым с 1969 г. руководил В.И. Гантман. Но что еще более интересно (и было абсолютно новым для общественных наук того времени): в секторе была сформирована группа *математиков*, пытавшихся формализовать знания в области международных отношений. Группу возглавлял кандидат технических наук В.И. Любченко. В Институте он вообще «курировал» работу по применению математических методов в исследовании и прогнозировании международных отношений. И его собственные (помимо участия в СА под руководством Е.М. Примакова) результаты в этой области были впечатляющими [9].

На этой основе следует всерьез заняться проигрыванием самых разных (из числа возможных) геополитических ситуаций, т.е. прибегнуть к *имитационному моделированию*, без чего очень трудно работать в режиме прогностики. Данный момент чрезвычайно важен, поскольку моделирование позволяет (пользуясь специальным способом компактной подачи информации) не только отображать всю совокупность элементов си связей игроков, вовлеченных в ту или иную геополитическую или – шире –

международную ситуацию, но и «проигрывать» различные варианты ее исхода, по возможности «взвешивая» их вероятность. Если же к этому добавляются методы формализации и особенно квантификации, то шансы на успех у исследователя увеличиваются. Верно замечено И.Г. Тюлиным и А.С. Кожемяковым: «Такие системные модели являются перспективными средствами решения наиболее сложных прогностических задач в области международных отношений. Они открывают путь к методам имитации, т.е. процедурам, посредством которых человек оценивает результаты решения, изменяет входные данные параметры модели, иначе говоря, перебирает варианты и альтернативы» [37].

Резюмируем сказанное.

Рассмотренный выше (по степени усложнения) инструментарий, имеющийся в распоряжении у геополитолога-«региональщика», позволяет нам говорить о том, что в принципе АКС – это *многоуровневая* работа, в общем и целом идентичная и при изучении ситуаций в регионах типа ЖК, и в регионах типа МК [38,39]. Уточним: идентичная в том, что касается средств интеллектуально-научной работы. Но есть и существенное отличие. Работа исследователя, занимающегося отслеживанием ситуаций в регионах-МК, особенно в нестабильных регионах с повышенной конфликтностью, задается иной «структурной рамкой», или, что привычнее нашему уху, *иной парадигмой*. Это «парадигма безопасности». Данный момент очень четко и проявляется в том, как осуществляется *сама процедура* АКС, т.е. в какой последовательности следуют одна операция за другой и что представляет собой каждая из этих операций.

По нашему мнению, как особого рода научная процедура АКС – это двухэтапный процесс, а именно: последовательность операций, связанных а) с определением параметров изучаемого региона, топографией фигурирующих на ней сил и выявлением «архитектуры» региона и б) с

рассмотрением его многофакторной динамики в турбулентной среде. В рамках каждого из этих этапов есть свои «процедурные» составляющие. В принципе «процедурные» составляющие первого этапа АКС идентичны и для регионов типа ЖК, и для регионов-МК. Хотя есть и отличия. Их два. Первое появляется при проведении операции ранжирования «местных» государств, второе – при выявлении геополитической «архитектуры» изучаемого региона. Что же касается вопросов *динамики* регионально-геополитических систем, то они существенно разнятся. Применительно к анализу ГНЗР главным становится конфликтологическое измерение работы.

О том, как это выглядит на практике, см. в наших последующих статьях.

Статья подготовлена и публикуется в рамках выполнения внутреннего гранта Южного федерального университета (ВнГр-07/2017-20) «Анализ «архитектуры» и динамики геополитически нестабильных регионов современного мира: когнитивный подход (на примере Черноморско-Каспийского региона)».

Литература

1. Богатуров А.Д. Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 37-38.
2. Неклесса А.И. Метаморфозы государственности. Социокультурная и политическая мобильность в условиях цивилизационного транзита. 2008. URL: intelros.ru/subject/karta_bud/1748-aleksander-neklessa.etamorfozy.htm
3. Бурлаков В.А. Геополитика в системе современной российской политической науки: поиск новой парадигмы // Россия и АТР. 2008. № 4. С. 147, 145.

4. Трейвиш А.И. Что такое государства-гиганты и как с ними «бороться»? // Страны-гиганты: проблемы территориальной стабильности Сб. докладов / под ред. И.М. Бусыгиной, Л.В. Смирнягина, М.Г. Филиппова. – М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2010. С. 26-27.

5. Маслов О.Ю. Грузия – Израиль Кавказа и глобальный проект «Балканизация – 800» (против кого будет воевать Россия в XXI веке. Ч.4). URL: polit.nnov.ru/2009/11/19/wargruzizrael4/

6. Лебедева М.М. Мировая политика: Учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2006. С. 135.

7. Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, государства Израиль и стран Западной Европы. - Нижний Новгород, 1992. - С. 142.

8. Примаков Е.М., Гантман В.И., Любченко В.И. Методика ситуационного анализа международных отношений. – М.: ИМЭМО АН СССР, 1974.

9. Черкасов П.П. ИМЭМО. Портрет на фоне эпохи. – М.: Весь мир, 2004.

10. Ближний Восток: принуждение к миру. Урегулирование невозможно без давления извне // Россия в глобальной политике. 2002 (нояб. – дек.). Т. 1. № 1.

11. Иран: что дальше? Ситуационный анализ (руководитель Евгений Примаков) // Россия в глобальной политике. 2003 (апр. – июнь). Т. 1. № 2.

12. Ядерная программа Северной Кореи: перспективы развития // Россия в глобальной политике. 2004 (январь – февраль). Т. 2. № 1.

13. Иракский кризис и перспективы урегулирования. Ситуационный анализ (руководитель Евгений Примаков) // Россия в глобальной политике. 2004 (май – июнь). Т. 2. № 3.

14.Примаков Е.М., Хрусталеv М.А. Ситуационные анализы. Методика проведения. Очерки текущей политики. - НОФМО, 2006.Вып. 1.;

15. Примаков Е.М. Методика и результаты ситуационных анализов: мастер-класс по программе «Мировая политика». – М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2006.

16. Полунин Ю.А., Тимофеев И.Н. Классификация стран мира с использованием методов многомерного статистического анализа // Политическая наука – М.: ИНИОН РАН. 2007. № 3.

17. Родоман Б.Б. Научные географические картоиды. URL: cyberleninka.ru/article/n/nauchnye-geograficheskie-kartoidy

18. Замятин Д.Н. Метагеография: Пространство образов и образы пространства. – М.: Аграф, 2004. 512 с.

19. Переслегин С.Б. Новые карты будущего, или Анти-Рэнд. – М.: АСТ, СПб.: Terra Fantastica, 2009. С. 27-28.

20. Тихонравов Ю.В. Геополитика. – М.: Бизнес-школа «Интел-синтез», 1998. С. 32, 33.

21. Лурье С.В, Казарян Л.Г. Принципы организации геополитического пространства (введение в проблему на примере Восточного вопроса) // Общественные науки и современность. 1994. № 4.

22. Замятин Д.Н. Моделирование геополитических ситуаций (на примере Центральной Азии во второй половине XIX в.) // ПОЛИС. 1998. № 2,3.

23. Горелова Г.В., Захарова Е.Н., Гинис Л.А. Когнитивный анализ и моделирование устойчивого развития социально-экономических систем. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2005. С. 77-81.

24. Axelrod R. The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. – Princeton: University Press, 1976.

25. Maps in Mind: Reflections on Cognitive Mapping. ed. by R.M. Down & D. Stea. N.Y.: Harper and Row, 1977.

26. Gould P., White R. Mental Maps. 2nd ed. Boston: Allen & Urvin, 1986.
 27. Henrikson A.K. The Geographical Mental Maps of American Foreign Policy Makers // International Political. Science Review. 1980. № 1(4). pp. 495-530.
 28. Елацков А.Б. Общая геополитика: вопросы теории и методологии в географической интерпретации. – М.: ИНФРА-М, 2017. С. 202.
 29. Поршнева Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века. – М.: Наука, 1970. С. 36-42.
 30. Емеличев В.А., Мельников О.И., Сорванов В.И., Тышкевич Р.И. Лекции по теории графов. – М.: Наука, 1990.
 31. Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало: Популярны лекции по народоведению. – М.: Рольф, 2001. С. 41.
 32. Лихачев Д.С. О филологии. – М.: Высшая школа, 1989. С. 23-24.
 33. Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география. – М.: Аспект Пресс, 2001. С. 253.
 34. Цымбурский В.Л. Введение. Speak, Memoгу! // Конъюнктуры Земли и Времени. Геополитические и хронополитические интеллектуальные расследования. – М.: Изд-во «Европа», 2011. С. 24.
 35. Шродт Ф.А. Математическое моделирование // Дж.Б. Мангейм, Р.К. Рич. Политология. Методы исследования / пер. с англ. – М.: Весь мир, 1997. С. 497.
 36. Ожиганов Э.Н. Моделирование и анализ политических процессов. М.: РУДН, 2009. С. 42, 22.
 37. Тюлин И.Г., Кожемяков А.С. Некоторые вопросы методологии научного прогнозирования внешней политики и международных отношений // Аналитические методы в исследовании международных отношений: сб. науч. статей / под ред. И.Г. Тюлина, А.С. Кожемякова, М.А. Хрусталева. – М.: МГИМО МИД СССР, 1982. С. 23.
-

38. Розин М.Д., Рябцев В.Н., Свечкарев В.П. Черноморско-Каспийский регион как поле «Большой игры»: классификационный системный анализ. Инженерный вестник Дона, 2016, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2016/3741.

39. Рябцев В.Н. Геополитические и геочивилизационные особенности Черноморско-Каспийского региона в свете концепции великого лимитрофа (современный контекст вопроса). Инженерный вестник Дона, 2013, №4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2013/1980.

References

1. Bogaturov A.D. Mezhdunarodnaya zhyzn. 1993. № 7. pp. 37-38.
2. Neklessa A.I. (2008) URL: intelros.ru/subject/karta_bud/1748-aleksander-neklessa.etamorfozy.htm.
3. Burlakov V.A. Rossiya i ATR. 2008. №4. pp. 145,147.
4. Treivish A.I. Strany-giganty: problem territorialnoy stabilnosti. Sb. Dokladov. M.: MGMIO (U) MID RF, 2010. pp. 26-27.
5. Maslov O.Y. Gruzija – Izrail Kavkaza I globalnyy proekt “Balkanizatiya – 800” (protiv kogo budet voevat Rossiya v 21 veke. Ch. 4) [Georgia – Israel of the Caucasus and the global project of "Balkanization – 800" (against whom will fight Russia in the XXI century. Part 4)]. URL: polit.nnov.ru/2009/11/19/wargruzizrael4/
6. Lebedeva M.M. Mirovaya politika. Uchebnik dlya vuzov. [World politics: Textbook for universities]. M.:Aspekt Press, 2006. p. 135.
7. Kolobov O.A., Kornilov A.A., Makarychev A.S., Sergunin A.A. Protsess prinyatiya vneshnepoliticheskikh resheniy: istoricheskii opyt SSHA, gosudarstva Izrail I stran Zapadnoy Evropy. [The process of foreign policy decision-making: historical experience of the USA, Israel and Western Europe]. Nizhniy Novgorod, 1992. p. 142.

8. Primakov E.M., Gantman V.I., Lyubchenko V.I., Metodika situatsionnogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy. [The methodology of situational analysis of international relations] M.: IMEMO AN SSSR, 1974. Archiv IMEMO AN SSSR.

9. Cherkasov P.P. IMEMO Portret na phone epochy. [IMEMO. Portrait on the background of the era] – M.: Ves mir, 2004.

10. Rossiya v globalnoy politike. 2002 (noyab. – dek.) T.1. №1.

11. Rossiya v globalnoy politike. 2003 (apr. – ijun). T.1. №2.

12. Rossiya v globalnoy politike. 2004 (yanvar – fevr.). T.2. №1.

13. Rossiya v globalnoy politike. 2004 (mai – iun). T.2. № 3.

14. Primakov E.M., Chrustalyov M.A. Situatsionnyye analizy. Metodika provedeniya. Ocherki tekutshey politiki. [Situational analyses. The technique of realization. Essays on current politics] Vyp. 1. M.: NOFMO, 2006.

15. Primakov E.M. Metodika I rezultaty situatsionnykh analizov: master-klass po programme "Mirovaya politika". [The methodology and results of the situational analyses: a master class on the program "World politics"]. M.: MGIMO (U) MID RF, 2006.

16. Polunin Y.A., Timofeev I.N. Politicheskaya nauka. INION RAN. 2007. № 3.

17. Rodoman B.B. Nauchniye geograficheskiye kartoidy [Scientific geographical Carmody]. URL: geo-vestnik.psu.ru/vest/203_rodoman.pdf

18. Zamyatin D.N. Metageografiya: Prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva [Metageography: Space images and space images]. M.: Agraf, 2004. 512 p.

19. Pereslegin S.B. Noviye karty buduchego, ili Anti-Rend [New maps of the future or Anti-Rand]. M.: AST, SPb: Terra Fantastica, 2009. pp. 27-28.

20. Tichonravov Y.V. Geopolitika [Geopolitics]. M.: Bizness shkola "Intel-sintez", 1998. pp. 32, 33.

21. Luriye S.V., Kazaryan L.G. Obtschestvenniye nauki I sovremennost. 1994. № 4.
 22. Zamyatin D.N. POLIS. 1998. № 2, 3.
 23. Gorelova G.V., Zakharova E.N., Ginis L.A. Kognitivniy analiz i modelirovaniye ustoichivogo razvitiya ekonomicheskikh system [Cognitive analysis and modeling of sustainable development of socio-economic systems]. Rostov n/D: RGU, 2005. p. 81.
 24. Axelrod R. The Structure of Decision: Cognitive Maps of Political Elites. – Princeton: University Press, 1976.
 25. Maps in Mind: Reflections on Cognitive Mapping. ed. by R.M. Down & D. Stea. N.Y.: Harper and Row, 1977.
 26. Gould P., White R. Mental Maps. 2nd ed. Boston: Allen & Urvin, 1986.
 27. Henrikson A.K. International Political. Science Review. 1980. № 1(4). P. 495-530.
 28. Elatskov E.B. Obtschaya geopolitika: voprosy teorii i metodologii v geograficheskoy interpretatsii [Shared geopolitics: theory and methodology geographic interpretation]. M.: INFRA-M, 2017. S. 202.
 29. Porshnev B.F. Frantsiya, Angliiskaya revolutsiya I evropeiskaya politika v seredine XVII veka [France, the English revolution and European politics in the mid-seventeenth century]. M.: Nauka, 1970. pp. 36-42.
 30. Emelichev V.A., Melnikov O.I., Sorvanov V.I., Tyshkevich R.I. Lektsii po teorii grafof [Lectures on graph theory]. M.: Nauka, 1990.
 31. Gumilyov L.N. Konets i vnov nachalo: Populyarniye lektsii po narodovedeniyu [The end and the beginning: Popular lectures on Ethnography]. M.: Rolf, 2001. pp. 41.
 32. Likhachyov D.S. O Filologyy [On Philology]. Vysshaya Shkola, 1989. pp. 23-24.
-

33. Kolosov V.A., Mironenko N.S. Geopolitika i politicheskaya geografiya [Geopolitics and political geography]. M.: Aspekt-Press, 2001. p. 253.

34. Tsymbursky V.L. V ego kn.: Konjunktury Zemly i Vremeny. Geopoliticheskiye i chronopoliticheskiye intellektualniye rassledovaniya. M.: Izdvo "Evropa", 2011. p. 24.

35. Shrodt F.A. Dzh. B. Mangeim, R.K. Rich. Politologiya. Metody issledovaniya, per. s angl. M.: Vess mir, 1977. p. 497.

36. Ozhiganov E.N. Modelirovaniye i analiz politicheskikh protsessov [Modeling and analysis of political processes]. M.: RUDN, 2009. pp. 42, 43.

37. Tyulin I.G., Kozhemyakov A.S. Analiticheskiye metody v issledovanii mezhdunarodnykh otnisheniy: sb. nauch. Statey. M.: MGIMO MID SSSR, 1982. S.23.

38. Rozin M.D., Ryabtsev V.N., Svechkarev V.P. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2016, №3. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n3y2016/3741.

39. Ryabtsev V.N. Inzhenernyj vestnik Dona (Rus), 2013, №4. URL: ivdon.ru/ru/magazine/archive/n4y2013/1980.